

Слово редактора

О КЛЮКВЕ И ЛЮБВИ

Недавно у нас, в Омске, собирались в круг поэты, но вовсе не для того, чтобы «оплёвывать друг друга», а чтобы послушать стихи своего товарища. Потом все дружно пили чай, закусывали, кто хотел. Теснясь локтями, радовались общению, жизнеутверждающему оптимизму руководителя писательской организации, неиссякаемому очарованию куратора «Поэтической среды» (так называются наши собрания) и тому, что ни у кого теперь не повернется язык назвать их «бомжами».

Хорошие стихи, хорошие ребята. О стихах своего товарища тоже хорошо отзывались, да и никто из наших поэтов отродясь не собирал восторженные отклики с тем же успехом, с каким ханты собирают клюкву, — идёшь за ними, и хоть бы одна ягодка. Нет среди них таких фанатов.

Омские поэты, да и прозаики, коих у нас, увы, пора заносить в «Красную книгу» (поэтов пока не надо), с некоторых пор заходят в главную областную библиотеку — имени Александра Сергеевича Пушкина — с «чёрного» входа. Или со служебного, кому как нравится. Впрочем, наши писатели в этой библиотеке не служат, а встречаются: им, после нескольких лет бездомья, выделили там комнатёнку размерами с микроавтобус «Мерседес», на котором (сам видел) возили по Омску накануне его 300-летия президента Олимпийского комитета России, потомка дворянского рода Жуковых — Александра Дмитриевича с другими высокими, мной, правда, не установленными, лицами. С ними даже губернатор ездил, его-то я сразу узнал.

Трудно сказать, было ли им тесно, но стихов они, скорее всего, друг другу не читали. Так что это ещё вопрос, где лучше — в комнатёнке библиотеки или в микроавтобусе. И, слава Богу, что в библиотеке, а не в каком-нибудь вольтере, пусть даже более просторном, чем нынешнее пристанище омских литераторов — членов Союза писателей России.

На юбилей города Владимир Ростиславович Мединский приезжал. Министр культуры России, стало быть. По этому случаю (по случаю юбилея) он, а чуть позже и министр культуры области Виктор Прокопьевич Лапухин (кстати сказать, тоже хороший человек) наградили деятелей культуры за заслуги и вклад. У писателей, правда, заслуг не оказалось. Вкладов — тем более. Наверное, клюкву собирать не умеют.

А тем временем, на Соборной площади по сцене металась, как Фанни Каплан по Путиловскому заводу, какая-то «Ёлка» с Украины, выла в микрофон: «Я лежу на мокром, сером асфальте, / Те, кто меня по частям воровал, немедленно всё отдайте!..» Некоторые слушатели даже на фонари полезли. Также ведь — культурное событие. На эти деньги, говорят, можно было бы года три ежемесячно выпускать журнал «Литературный Омск», но тот номер, что намеревались посвятить 300-летию любимого города, так и не вышел. Денег же нет, всем надо держаться. Вот как Иван из Конька-горбунка» за хвост молодой кобылицы — крепко.

Но всё это происходило — до. То есть, до «Поэтической среды» 24 августа 2016

года, где читали стихи и говорили о них. Между тем, говорить о стихах товарища — это не вопрос решать: сколько ложек сахара класть в стакан возлюбленной? В этом случае всё, действительно, сложно: поскромничаешь и рискуешь обидеть, расщедришься — вроде приятно, но всё равно возникает недовольство — а не слишком ли? Лучше, конечно, первый вариант, поелику остаётся шанс на исправление ошибки.

В нашем случае можно и соли положить, и перцу, вот только...

Пару лет назад отдыхал с женой в селе Теректа (Республика Алтай), там и Китай, и Монголия, и Казахстан — всё рядом. В один из дней пригласили меня в районный центр — Усть-Коксу, где проживает чуть более четырёх тысяч наших, естественно, российских граждан, а других там и не встретишь. Даже китайцев. Чтобы не отвлекаться на подробности, добавлю: пригласили в местную главную библиотеку стихи почитать. В смысле, свои стихи вслух — местным жителям. Их человек пятьдесят собралось — в библиотеке. Врать не буду, понимал, что раньше обо мне здесь никто и не слышал, хотя и позвали.

Стало быть, читаю час, полтора, ещё просят... На память фотографируемся. И только на крыльце, прощаясь с заведующей, узнаю, что из пятидесяти пришедших — человек тридцать стихи пишут. Остальные, наверное, прозу.

Да чего там, в каждой нашей деревне есть своё «солнце русской поэзии»! И будь ты хоть многократно лауреатом чего-то там, но первым поэтом России, из ныне живущих, в этой деревне будет всегда он, так и не познавший ужасы тоталитарной редакторской правки и требований соблюдать нормы русского языка! После его «Родина — смородина» в деревне той заплачут от счастья, а у нас, на сайте «Российского писателя», могут и камнями побить, доведись Николаю Ивановичу напечатать стихи самородка. Бывало же...

Нет, это я не к тому, что нельзя на сайте критиковать, если стихи неудачные, или рассказы, или ещё что-то... Если душа не приемлет. Но вот какую историю поведал писатель из Тюмени Мирослав Бакулин, земляк-сибиряк. Однажды его приятель проснулся с похмелья, и принялась жена чихвостить мужика почём зря. Сидит он горестно, безоружен и слаб, голова гудит, а она, змея такая, всю правду ему говорит, чего и как он ей испортил. Все грехи его пересчитала. Стало мужику на какое-то мгновение тошно, потом смешно, и он жене своей так сказал: «Вот ты тут много говорила, всё — правда, но говорила ты это БЕЗ ЛЮБВИ, и значит, ты — не права».

Никак нельзя без любви, ребята...

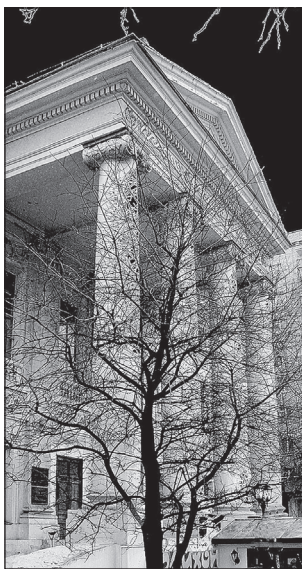
И вот ещё что. Пока у нас практически в каждой деревне есть своё «солнце русской поэзии», разве кто-то сможет одолеть Россию?

А в библиотеку с «чёрного» хода мы только на собрания наши ходим, а с парадного — в любые дни. Да и бывший особняк Омской областной организации Союза писателей России зря не пустует — там общественная приёмная Президента РФ находится.

«Товарищ, верь!..»

Российский ПИСАТЕЛЬ

ГАЗЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Стихотворение номера

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

ВСЁ ПОСТЕПЕННО

Всё постепенно. И всегда так было:
Не сразу побеждает вражья сила.
И ластится. И к сердцу прижимает.
И рядышком с тобою проживает.
Всё постепенно. С разрушенья быта.
С могилы предка, что травой покрыта.
С порушенного небреженьем крова.
С униженного оскверненьем слова.
Но постепенно и другое — тоже,
Когда мы честь на совесть перемножим,
Когда душа прозрением взорвётся —
Откуда только силушка возьмётся.

Владимиру Николаевичу КРУПИНУ — 75 лет!

Наши русские литературные святцы XX–XXI веков сегодня на нашем историческом ландшафте сияют нам именами Шолохова, Леонова, Носова, Белова, Распутина...

Мы благодарим Бога за то, что выдающийся русский писатель Крупин встречает свое 75-летие в здравии, и мы можем пожать ему руку и как своему товарищу, и как писателю, трудами своими добывающему полноту нашего русского стояния перед Богом.

Мы поздравляем Владимира Николаевича со славным юбилеем!

Мы от всей души желаем Владимиру Николаевичу здоровья, благополучия и вдохновения!

Пусть все невзгоды Вас, дорогой Владимир Николаевич, обходят стороною, а всё лучшее будет впереди!

Многая лета!

Секретариат правления Союза писателей России

(Читайте на стр. 2 нашей газеты раздумья писателя Владимира Крупина из цикла «Море житейское».)

Первый секретарь Союза писателей России Геннадий ИВАНОВ:
«Денег нет, но мы держимся...»

Владимир КРУПИН

Море житейское

Из записных книжек

ПОЖИРАТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Мне кажется, это такие маленькие незаметные существа, которые всюду. У них вообще один рот, они всё едят, а, главное, пожирают наше время и одновременно заражают нас бактериями обжорства, лени, жадности. Но самое для них лакомое – это время. Вот они травят человека в переедание, он уже еле дышит, а всё ест и пьёт. Упал поспать. А должен был потратить время на нужную работу, а теперь это время убито обжорством. Но оно не пропало бесследно для пожирателей времени, это их добыча. Девушка перед зеркалом часами. Эти часы опять же кормят пожирателей, а девушка за эти часы просто постарела. Как ни намазывайся, умирать-то придётся. Вот вытянули людей на бесполезное оранье на митинге. У кого дети не кормлены, у кого мать-старуха, а время на заботу о них уже не вернуть. Или идут, никто не гонит, на эстрадников смотреть. Что получают от этого? Удовольствия, скоро проходящего, чуть-чуть, да и удовольствие это от хохмочек, сплетённых из разврата и пошлости, а в основном всё та же трата времени, да усталость. А пожирателям радость.

Телезрители особенно кормят пожирателей. У них есть слуги: утешатели, убаюкиватели, увеселители. Пожиратели от награбленного времени пухнут, складывают время как сжиженный газ, в хранилища. Потом продавать будут.

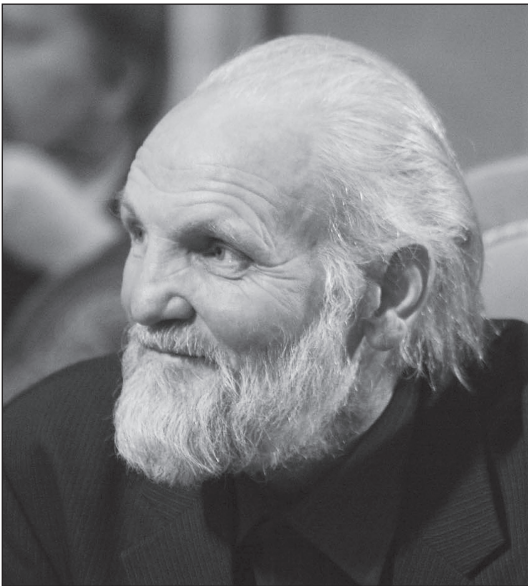
ЖЕРТВЕННАЯ КОРОВА капитала – вот что такое демократия. С копытами для затаптывания всего живого и с огромным ненасытным животом, производящим вонючие коровьи лепёшки.

КОГДА ПОЛКОВНИК полиции и майор при нём захохотали на моё возмущение тем, что в ста метрах от Красной площади мужчина с тёмной кожей раздаёт прохожим яркий журнал с фотографиями и телефонами проститутки, то меня это ударило необычайно. «У каждого свой бизнес», – сказали они.

Вот так. Вот о чём мечтала Новодворская, говоря, что нужен России капитализм. Он пришёл. Но один он прийти не мог. Ему нужны были подпорки пошлости, разврата, убийства всего святого.

ТАК ПРЕПОДНОСЯТ прошлое либералы, что внуки всерьёз уверены, что при Советах за границу не выпускали. Бедные люди! Ездили непрерывно. Сотни и тысячи туристских групп, причём, что важно, ездили самые простые люди. Режьте меня, если в какой-то группе не было доярок, каменщиков, слесарей, трактористов. Эти поездки были как поощрение за хорошую работу. Да, в каждой

группе был проинструктированный товарищ, который отвечал за безопасность группы. Но это, согласитесь, хорошо. У меня, расскажу для улыбки, был знакомый из ЦК ВЛКСМ, он иногда возил группы. А был бабник. В Берлине распустил группу, сам зашёл в магазинчик. «Смотрю сувениры. Изнутри высунулась фрау, опять спряталась. Вдруг входит немочка, такая белокурая беляночка. А, думаю! Дай подскочу. Ну схлопочу по морде, ну и что? Руки развёл, улыбаюсь: «Гутен таг!», – её шаловливо приобнял. Она отскочила. Тут входит ещё девушка. Эта, первая: «Смотри, Наташ, эти немцы думают, что если русская, так всё с нами можно».

ВОТ ФРАНЦУЗЫ: После первого заключения на острове Эльба Наполеон сбежал, стремясь вернуть себе власть. Известие о его бегстве потрясло всех. Вот заголовки из французских газет той поры в порядке очерёдности событий: «С Эльбы сбежало корсиканское чудовище. Самозванец высадился на берег. Бывший император идёт на Лион. Наполеон Бонапарт в Лионе. Император идёт на Париж. Париж приветствует Ваше Императорское высочество». Как говорится, без комментариев.

СЛОВО СТАТУС. Старшеклассник: «У меня социальный статус бездельника». Девчонки восхищены: орёл! А девчонкам хочется восхищения.

БАПТИСТ ВСЕГДА активист. Как и вообще протестанты. За руку хватают, литературу свою навязывают. «Свидетели Иеговы» напрямую говорят, что только они правы. То есть напрямую свидетельствуют о своём сектантстве и безбожии.

СТИХИ ВНУКОВ: «Бабушка стряпает, бабушка полет, бабушка варит картошку. Мы помогаем, уселись за стол, в

общем, всего понемножку. Мы тебя любим, бабушка наша, очень прекрасна гречневая каша».

СТАРИК ПОХОРОНИЛ старуху, живёт у сына. Невестка жадная. Их маленькая дочка увидела, как дедушка вставляет в рот протезы.

– Мам, дедушка, как собака кости грызёт. Невестка мужу:
– Я тебе говорила – его не прокормишь.

О, КАК ЛЕГКО дурачить людей. Да интересно-то как! Провоцировать криками: «Развели бюрократов! Наплодили бумагу! К чиновникам без взятки не подступись! Засилье идеологии! Сплошной формализм! За что боролись? Требуем перемен! Что такое? Больше всех ископаемых, богаче всех и всех хуже живём! Долой! Долой!»

Прошли перемены. Бумаг и бюрократов стало больше, чиновники вообще считают свои рабочие места местом наживы, жить стало стократ тяжелее... Вот-вот раздадутся крики: так жить нельзя!

ТЫСЯЧИ ПЕСЕН всякого рока, авангарда, рэпа, но как выйдет на берег Катюша! «Пусть он землю бережёт родную, а любовь Катюша сбережёт».

РЕБЁНКУ, давно привыкшему к дорогим айфонам, привезли детскую книгу с иллюстрациями. Он охотно взял её, раскрыл. Понравилось. Листает. А одну картинку ему захотелось рассмотреть получше. И он стал её пальчиками раздвигать. Как сделал бы это на экранчике айфона. И там бы картинка увеличивалась. А в книге она не раздвигалась. И мальчик от швырнул книгу.

И это образ убийства книги. Тут разрыв поколений. Она, конечно, не сдаётся. И выживает. Но выйдет из боёв, как поредевшее войско.

Геннадий ИВАНОВ (Москва)

Владимиру Крупину

«Прощай, Россия,
встретимся в раю», –
Конечно, это сказано красиво.
Но я ещё Россию узнаю
Здесь, на земле,

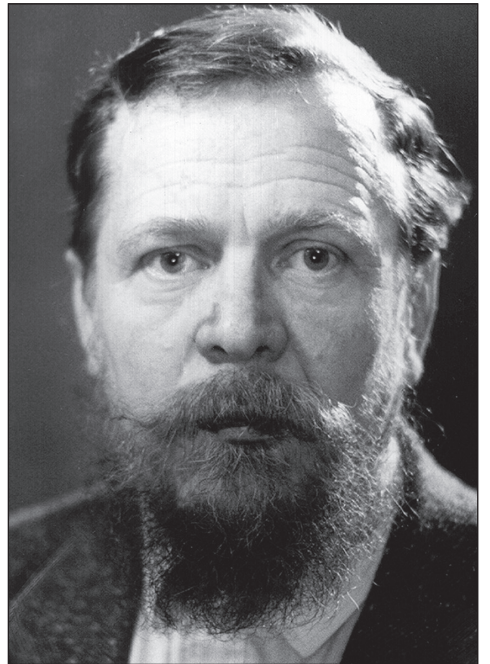
как за окошком иву
Я узнаю и узнаю сарай,
И на перроне сумрачные лица...
Сарай вот этот не годится в рай,
А ива, так мне кажется, годится...
«Прощай, Россия,

встретимся в раю».
А может, ещё встретимся в бою...
Как встретились тогда
на «Баррикадной»
Той осенью,
холодной и блокадной.

Об авторе. Владимир Николаевич Крупин (1941) — русский прозаик и публицист, секретарь правления Союза писателей России. Родился в Кировской области. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Известен стал благодаря первому сборнику рассказов «Зерна» (1974), в которых простым языком рассказывается о непростой судьбе жителей села. После выхода этой книги был принят в Союз писателей СССР. Мировую известность получила повесть Владимира Крупина «Живая вода» (1980). По ней снят фильм, она переведена на многие языки.

Автор более 30 книг. 26 мая 2011 г. в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя Крупин был награжден первой Патриаршей литературной премией имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Живое слово

Геннадий СТУПИН
(1941–2012)

ОЧНИСЬ

От горя и гнева я вижу в ночи.
Я вижу Россию от края до края.
Я слышу, как горько Россия молчит,
Всех верных своих сыновей вспоминая.
Настали опять её чёрные дни.
Бесчинствуют в доме иуды и воры.
И друг перед другом ярятся они.
И нету дубинки для бешеной своры.

И сохнут леса, каменеют поля,
Бесовского шабаша вынести не в силах.
И вся шевелится, бугрится земля –
Все русские воины стонут в могилах...

Простите, Ослябя и Пересвет,
Простите, безвестные все, поимённо,
Но нынче России защитников нет,
И, славные некогда, никнут знамёна.

Все тёмные силы сорвались с цепи
И рвут на куски тебя, топчут и лают...
О добрый народ мой, терпи не терпи –
Они доброты твоей не понимают.

Они не отпрянут, пока не убьют.
Не будет ни хлеба тебе и ни кровли.
А будет бесстыдный невиданный блуд
На горе твоём, на слезах и на крови.

И что не давалось ударам мечей
И палу огней никаких супостатов,
Берут они нынче лишь ложью речей
И гладкой личиною демократов.

Очнись же, покуда не поздно, и встань
За землю и волю свою, за Отчизну!
Припомни, как было недавно и встарь.
Иль справят они на костях твоих тризну.

От горя и гнева я вижу в ночи.
Я вижу Россию от края до края.
Я слышу, как грозно Россия молчит,
Последние силы свои собирая...

Нет места ни чувству, ни мысли, ни слову
В пространстве, пропитанном кровью и гарью,
Прострелянном танками. Стали мы снова
Тупой и трусливой, покорною тварью.

И нет мне ни правды, ни счастья, ни жизни
В пространстве, пропитанном злобой и ложью.
Я снова изгнанник в родимой Отчизне,
Я снова в ночное иду бездорожье.

И снова, лишённого права и слова,
Лишённого Родины, дома и доли,
Меня укрывает как сына родного
Лес тёмный, овраг и широкое поле.

Коль нету в Отчизне мне места для жизни,
Незримою вечною тенью повсюду
Я буду гулять и свистать по Отчизне
На ужас и гибель вора и иудам.

В пропитанной гарью и кровью России,
В России, отравленной злобой и ложью,
Я буду собирать её душу и силу,
Скитаясь в родимом ночном бездорожье,
Копать для её супостатов могилу
Под каждым пригорочком, с помощью Божьей.

Владимир Крупин на премьере спектакля по своей пьесе «Всю Ивановскую» во время выездного Пленума Союза писателей России (Омск, 1997 г.). Фото Сергея Сапоцкого

Есть вопросы, на которые людям сла-
бонервным лучше не искать ответов.
Например, на экуменической панихи-
де по погибшим во время теракта в Мюн-
хене, которая прошла в Соборе Пресвятой
Девы Марии с участием канцлера Ангелы
Меркель, было официально заявлено, что
террористы никогда не заставят немцев
возненавидеть мигрантов, что немцы во-
преки любым испытаниям будут их лю-
бить.

О Т СТРАНЫ, где даже школьников учат
содомии в соответствии с обяза-
тельной учебной программой, было
удивительно услышать о готовности твердо
следовать хотя бы одной из евангельских за-
поведей.

Правда, сразу же приходит на ум наша
русская пословица: заставь дурака богу мо-
литься, он лоб себе расшибет вдребезги.
Ведь для того, чтобы у немцев появилась воз-
можность совершить подвиг христианской

Борис ПРИМЕРОВ
(1938 – 1995)

МОЛИТВА

Боже, который Советской державе
Дал процвести в дивной силе и славе,
Боже, спасавший Советы от бед,
Боже, венчавший их громом побед.
Боже, помилуй нас в смутные дни,
Боже, Советскую власть нам верни!

Властью тиранов, Тобою венчанных,
Русь возвеличилась в подвигах бранных,
Стала могучею в мирных делах —
Нашим на славу, врагам же на страх.
Боже, помилуй нас в горькие дни,
Боже, Советский Союз нам верни!

Русское имя покрылось позором,
Царство растерзано тёмным раздором.
Кровью залита вся наша страна.
Боже, наш грех в том и наша вина.
Каемся мы в эти горькие дни.
Боже, державу былую верни!

Молим, избавь нас от искушенья
И укажи нам пути избавленья.
Стонет измученный грешный народ,
Гибнет под гнётом стыда и невзгод.
Боже, лукавого власть изжени,
Боже, Империю нам сохрани!

Когда-нибудь, достигнув совершенства,
Великолепным пятистопным ямбом,
Цезурами преображая ритмы,
Я возвращусь в советскую страну,
В союз советских сказочных республик,
Назначенного часа ожидая,
Где голос наливался, словно колос,
Где яблоками созревала мысль,
Где песня лебединая поэта
Брала начало с самой первой строчки
И очень грубо кованные речи
Просторный возводили Храм свобод.
Там человек был гордым, будто зная,
Что трепетало над рейхстагом падшим
И обжигало пламенем незримым,
Как Данту, щеки и сердца всерьез.
Какая сила и какая воля
Меня подбрасывала прямо к солнцу...

Николай ДОРОШЕНКО,
главный редактор газеты «Российский писатель»

Обречённые на мильграмов

любви, вовсе не нужно было Германии уча-
ствовать в разгромах вполне благополучных
арабских государств и обрекать многие мил-
лионы их граждан на гибель, на нестерпимые
страдания, на участь беженцев.

Это же все равно, что человека покалечить
только для того, чтобы помимо омерзитель-
ного живодера обнаружить в себе еще и до-
брого лекаря.

Не проще и не милосерднее ли было бы
немалые средства, ныне выделяемые ЕС на
обустройство беженцев, потратить на разви-
тие экономик самых нищих африканских или
азиатских стран?

Не меньшее удивление вызывает у меня и
наш президент.

Подобно коммунисту Сталину, вспомнив-
шему, когда немцы подошли к Москве, имена
таких «буржуазных» защитников Отечества,
как Александр Невский или Суворов, либе-
рал Путин в ответ на приближение НАТО к на-
шим границам вдруг вспомнил о «духовных
скрепах», которых либералы страшатся, как
черт ладана.

И его Указ N 808 от 24 декабря 2014 г.
«Об утверждении Основ государственной
культурной политики» я встретил с такою же
радостью и надеждой, с какими в 1941 году
встречала Москва сибирские полки, пришед-
шие ей на выручку.

Вот лишь один пункт из этих уже утверж-
денных Основ:

«IV. Цели государственной культурной по-
литики

Основные цели государственной культур-
ной политики – формирование гармонично
развитой личности и укрепление единства
российского общества посредством приори-
тетного культурного и гуманитарного разви-
тия.

Целями государственной культурной поли-
тики также являются:

укрепление гражданской идентичности;
создание условий для воспитания граж-
дан;

сохранение исторического и культурного
наследия и его использование для воспита-
ния и образования;

передача от поколения к поколению тра-
диционных для российской цивилизации
ценностей и норм, традиций, обычаев и об-
разцов поведения;

создание условий для реализации каждым
человеком его творческого потенциала;

обеспечение доступа граждан к знаниям,
информации, культурным ценностям и бла-
гам».

Каждая строка Основ отеканена так, как
даже на парадах не чеканит свой шаг наш
Кремлевский полк. Сразу видно, что текст пи-
сали не те, кому чиновничьи должности вру-
чаются для прокорма, а высоколобые госу-
дарственнические умы, где-то по российским
суекам наскребенные.

И вот прошло всего лишь полтора года. И
пермский министр культуры Игорь Гладнев в
полном соответствии с утвержденными са-
мим Владимиром Путиным Основами уволил
художественного руководителя Пермского
академического театра Б.Л. Мильграма. Ко-
торый, осуществляя тайную мечту прыща-
вых подростков, стал им показывать голых
мужиков и теток не как те маньяки, которых
полиции положено отлавливать и сажать в ка-
талажки, а вполне, скажем так, легитимно и с
академической сцены.

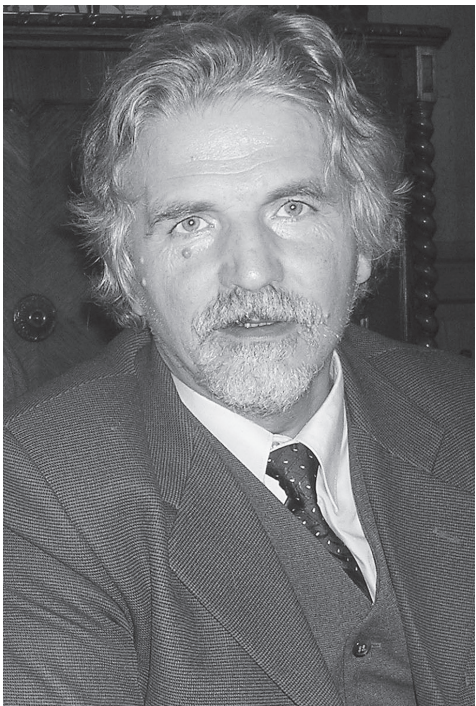
Поскольку Пермь еще не оправилась от
мерзостей Марата Гельмана, местная интел-
лигенция на всякий случай написала письмо
в поддержку своего министра культуры. И на
том успокоилась.

В результате Мильграм, которого сажать
надо было за публичные развратные дей-
ствия, был в театре восстановлен, а Гладнев,
которому Кремль должен был прислать бла-
годарность, от своей должности отстранен.

Почему?

Но ведь не для того же Меркель пытается
заполнить весь Европейский Союз мигран-
тами, чтобы было на ком тренироваться в
любви и милосердии жертвам мигрантских
терактов?

Ну, давайте предположим, что Меркель не

та тупая немка, какую может здесь показать-
ся, а вполне себе на уме политик. В таком слу-
чае получится, что заговор против европей-
ской правовой по сути и социалистической по
духу цивилизации, это не выдумка конспиро-
логов, а чистая правда. И сразу можно будет
найти в действиях Меркель и логику, и самый
изохренный ум. Даже сочетание содомии с
призывами к христианской любви становится
в политике Меркель логичным.

Спрашивается: а кому помешала эта за-
мечательная европейская цивилизация? Не
сдуру же её стирают с лица земли? Нет, не
сдуру. Просто нерентабельна она для между-
народной финансовой мафии, одержавшей
победу над европейскими национальными
государствами и их меркелей взявших на
короткий поводок. Слишком высокий у этой
цивилизации порог социальных расходов на
всякую аборигенную шелупонь, типа немцев,
французов и разных прочих шведов.

МНОГАЯ ЛЕТА!

Крупнейшему русскому писателю, нашему соратнику, главному редактору
«Российского писателя» Николаю Дорошенко исполнилось 65 лет!
Мы поздравляем Николая Ивановича с этим рубежом зрелости в его твор-
ческой биографии, желаем здоровья и благополучия.
Многая лета!

Секретариат правления Союза писателей России,
редакция газеты «Омское время».

С юбилеем, Николай Иванович! Редко такое случается: хочется пожелать беско-
нечно уважаемому человеку многого, а у него всё это есть, а большего ему и не надо.
Или всё-таки надо? Тогда позволь пожелать тебе этого большего. Во всём. Низкий
поклон тебе за все твои благодеяния и добродетели! Долгих-предолгих тебе лет
благословенной жизни в спокойствии, во здравии, в мире со всеми сродниками и в
согласии со всеми ближними, изобилия плодов земных и всего, что к удовлетво-
рению твоих нужд потребно!

Юрий ПЕРМИНОВ

ГАЛИНА ЧУДИНОВА,

доцент кафедры литературы Луганского пединститута (1988– 1995), член СП России (Пермь)

Какую историю преподносят нам в «Ельцин-Центре»

Признаюсь, что желание посетить «Ельцин-Центр» в Екатеринбурге преследовало меня давно, едва ли не с момента помпезного его открытия, но моей мечте суждено было осуществиться лишь в последней декаде нынешнего аномально жаркого августа, когда по приглашению друзей вновь оказалась я в городе на Исети.

Расположен «Ельцин-Центр» не абы где, не на глухой окраине, а в самом историческом центре города, на берегу Верхнеисетского пруда, на улице Бориса Ельцина, 3, неподалеку от двух домов, где некогда жил первый президент России. Огромное здание, левым своим крылом уходящее высь, с конференц-залом и кафе на первом этаже уже своими размерами впечатляет экскурсантов. У входа – памятник Борису Ельцину. Лицо напоминает скрытый от всех в потаённой комнате портрет Дориана Грея – из романа Оскара Уайльда – со следами всевозможных пороков на физиономии. «Удачный памятник!» – отметил один из посетителей «Центра».

Обширная экспозиция музея первого президента России размещалась на втором и третьем этажах здания. Посетителей встречает выставка подарков Б. Ельцину и чёрный бронированный президентский лимузин. Все желающие тут же могут посмотреть вводный фильм «Россия в потоке истории». Над узким и отчасти извилистым входом в музей символическая надпись «Лабиринт»: на втором этаже оробевший посетитель, по замыслу руководителей проекта, погружается то в жуткий мрак тоталитаризма, то в лучезарный световой поток демократии.

Хроника российской истории XX века начинается с Первой Мировой войны до последовавших за ней драматических событий. Справа и слева – фотографии, плакаты, надписи на мраморном полу, озвученные фильмы на экранах: от всего этого в залах царит постоянный гул. От обрушившегося на него многоголосия и многоглазия посетитель растерян, ошеломлён, сбит с толку. Однако, стараниями кукловодов блуждающий взор экскурсанта направлен в центр каждого зала, где на массивных опорах белыми буквами по чёрному мрамору высечена на скрижалях история семьи Ельциных и нашего главного героя: «Основатель новой страны Борис Николаевич Ельцин происходил из семьи раскулаченных уральских крестьян... Родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка... Шаг за шагом Борис Ельцин становился лидером перемен и основателем демократической России».

По ходу осмотра вдумчивый посетитель начинает понимать, что экспозиция музея всецело построена на приёме антитезы, где «поток истории» раз от разу становится всё мутней. Вот злодеи-большевики, обманув народ, захватили власть в стране, а вскоре Сталин основал в ней тоталитарное государство: «Сталин уничтожил своих политических противников. Ряд показательных судебных процессов, массовые расстрелы и репрессии – погрузили СССР в атмосферу тотального страха и доносительства... В стране была

создана настоящая машина смерти – система лагерей ГУЛАГа». Сказана «правда» и о характере Сталина: «Подозрительность, мстительность, жестокость, иезуитское чувство юмора». Тут же – плакаты сталинских времён, фотографии и фильмы о зверствах тоталитарного режима.

Разумеется, ни слова не сказано о том, что затянувшееся крепостное рабство и нерешённый земельный вопрос в эпоху правления Романовых привели Россию к революции 1917-го года. Не сказано, что среди большевиков сразу же после победы революции возникли две враждующие группировки. Одна, во главе с Львом Троцким, была заточена на победу мировой революции и полный развал страны, другая, во главе со Сталиным, на построение сильного независимого государства. Не сказано, что система лагерей создана была не Сталиным, а троцкистами, и первым её воплощением в практику стал Соловецкий лагерь особого назначения – СЛООН. Все желающие подробнее узнать о нравах, царивших в этом лагере, могут прочесть труды лучших отечественных историков. Не сказано, что только за две первых пятилетки в СССР был в сорок раз увеличен объём промышленного производства, что помогло стране одержать победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. И, конечно, ничего не сказано, сколько заводов, фабрик и предприятий перестали существовать в ходе «реформ» Ельцина – Гайдара – Чубайса.

Биография Бориса Николаевича написана «литературными неграми» с множеством утепляющих деталей. В «Исповеди на заданную тему» говорится, что зимой его спасала от холода коза, к тёплым бокам которой любил прижиматься наш герой. Эпизод с разборкой гранаты и оторванными двумя пальцами преподнесён как урок мужества, данный сверстникам-пацанам. Советский школьник, юноша-студент, строитель, партийный руководитель, оказывается, всю жизнь противостоял и «культу личности», и хрущёвской травле интеллигенции, и брежневскому «застою» с вводом войск в Афганистан. Все эти годы вызревал у него характер мощного реформатора, круто изменившего судьбы страны, способного на рывок в будущее. И вот час его настал! «Борис! Ты прав!» – яростно хрипели, срывая голоса, его сторонники.

Осмотр второго этажа завершается большой выставкой книг. Привожу некоторые названия: Алексей Иванов «Хребет России», Егор Гайдар «Дни поражений и побед», «Гибель империи», «Государство и революция», «Эпоха Ельцина», Борис Ельцин «Записки президента», «Президентский марафон», Борис Минаев «Ельцин» – из серии ЖЗЛ. Об уровне исторической «правды» красноречиво свидетельствуют сами заголовки. Писатели в этом ряду – под стать квазиполитикам. Открываю роскошно изданную книгу Алексея Иванова на двадцатой странице и читаю главку «Несбывшийся подвиг» о Трифоне Вятском: «И началась неистовая карьера Трифона. Ему было мало обычных послушаний – он ещё и сам, голый, молился на болоте, отдавая себя на съедение гнусу». Не берусь судить, из каких

источников почерпнута эта болотная грязь и вылита на читателей. Святые карьеру не делают, голыми – да ещё на болоте! – не молятся: это обязан знать любой человек, хотя бы поверхностно знакомый с основами Православия.

Тысячи высоко оплачиваемых специалистов: архитекторов, строителей, отделочников, дизайнеров, художников, фотографов, историков, журналистов, публицистов, писателей, музейных работников и прочих – трудились над осуществлением проекта – создания грандиозного мифа о Ельцине. Вылилось всё это в десятки миллиардов рублей. Часть денег из гигантской суммы пожертвована была маститыми олигархами, теми, кто был обязан Ельцину несправедливо нажитым богатством. Уровень фальсификации истории в «Ельцин-Центре», буквально, зашкаливает!

На третьем этаже интересно задумана «Президентская площадь», где сидящий на скамеечке Ельцин внимательно смотрит на экран: там о великих его «реформах» рассуждают родные и друзья. Статуя сидящего первого президента – неизменный прикол для экскурсантов, спешащих сфотографироваться рядом с ним. Любопытен и находящийся рядом «Зал свободы», задумка которого – «Свобода мысли и слова, собраний и объединений, свобода передвижения».

– Я полюбил его! – доверительно вещает с экрана Билл Клинтон. Ещё бы не полюбить за такой развал и разорение России на радость нашим заокеанским «партнёрам»! Ельцина медоточиво хвалит и Андрей Макаревич, и множество нынешних либералов за данную им свободу оголтелой клеветы на Родину.

Изюминкой экспозиции, несомненно, являются «Семь дней, которые изменили Россию». Здесь в семи комнатах каждый условный день равен определённому историческому отрезку времени. День первый. «Мы ждём перемен!» На левой стене – портреты членов Политбюро да видных деятелей науки того времени, на правой – народная поддержка Ельцину. В центре – фигура Ельцина на трибуне и знаменитая его речь о выходе из состава Политбюро и полным разрывом с КПСС. Рядом в полную величину установлен троллейбус, на котором ездил демократ-Ельцин, и звучащие с экрана воспоминания Наины Иосифовны об откровении её мужа: «Я с этой бандой работать не хочу!».

День второй. Августовский путч.

Это надо видеть и слышать! На диораме – сваленные в груды лестницы, старая мебель, цистерна, словом, всё, что было на баррикадах тех дней, включая танк, а над какофонией хлама – гремющая речь Ельцина да восторженный рёв толпы. Итогом этого стали Беловежские соглашения о создании независимых республик.

День третий. Непопулярные меры. То бишь, ваучерная приватизация по Чубайсу, «реформы» и отставка Гайдара, назначение Виктора Черномырдина на пост премьер-министра. Ничего не сказано о том, как, приехав в Москву, стучали касками об асфальт голодные шахтёры, а железнодорожники в отчаянии ложились на рельсы. Вдоль одной из стен экспозиции привлекает внимание пустая витрина в магазине. Украшает её лишь пирамидка с банками морской капусты – вот чем питались советские люди до мужественного реформатора Ельцина! «Реформатор» от пуза накормил их импортными продуктами, разорив под корень собственных производителей.

День четвёртый. Рождение Конституции. На стендах – похвала ей, надолго закабалившей Россию, сделавшей её зависимой от международных законов. Тут же – попытка переворота 3 октября 1993-го года и расстрел «Белого дома». Комментарии излишни, но надо отдать должное мастерству дизайнеров, погрузивших нас в атмосферу тех лихих, преступных лет.

День пятый. Голосуй или проиграешь. Избирательная кампания, в ходе которой большой Ельцин сумел одержать победу над Геннадием Зюгановым при помощи новых беспринципных политехнологов.

День шестой. Президентский марафон. Тут и операция на сердце, и первая чеченская война, и новые похвалы «несгибаемому» Ельцину.

День седьмой. Прощание с Кремлём. В просторной комнате полностью воспроизведён кабинет Ельцина, где с телеэкрана звучит его знаменитое новогоднее обращение 31 декабря 1999-го года. Примечательны исторические слова: «Я хочу попросить прощения!». Произносит их шепелявым голосом больной, уставший от дел и постоянно пьющий человек.

Завершив осмотр, вновь ненадолго вернулась я в «Зал свободы». Из окон его открывался чарующий вид на Верхнеисетский пруд в окрестности величественных административных зданий. На противоположном берегу сверкали под солнцем

золочёные купола Храма-на Крови. Невольно задумалась я о роли Екатеринбург-Свердловска в судьбах России и о судьбе первого её президента.

Несомненно, что он, поддавшись речам лукавых царедворцев о скорейшем встраивании в западный свободный мир, к концу правления ощутил свою огромную вину перед народом и долго искал преемника. Выбор пал на Владимира Путина, что было неожиданным для многих. Крепко поддерживала Ельцина за все годы его правления Семья, особенно здравомыслящая Наина Иосифовна, верная и преданная жена с твёрдым характером. Это Семья поставила Путину неперемное условие – увековечить память Ельцина, и он сдержал слово.

Каким будет «Ельцин-Центр» при победе духовно-нравственной и социально справедливой России? Думаю, его надлежит оставить таким же, какой он есть сейчас: давно пора отказаться от варварской практики сноса памятников и уничтожения мемориалов. Только вот комментарий ко всей огромной экспозиции должен быть иным: правдивым и объективным, как требует того от нас история.

PS. В «Ельцин-центре» готовы реабилитировать «власовцев»: сотрудники учреждения сообщили о готовности рассмотреть заявку об увековечении памяти тех, кто боролся с Советской властью с оружием в руках, передает корреспондент Накануне.RU. Замдиректора по научной работе центра Никита Соколов заявил, что необходимо выйти за рамки узкого понимания репрессированных. Нужно его расширить. Он сообщил, что важной общественной проблемой является память о группах лиц, «которые не были реабилитированы и создавали реальные боевые группы для противостояния Советской власти», в их числе и «власовцы». Сам Соколов «не уверен», что современной России следует считать их врагами народа.

«Если нам поступит такая заявка (об открытии памятной доски людям, которые сражались с Советским режимом с оружием в руках), то мы начнем общественную дискуссию на этот счет», – рассказал замдиректора «Ельцин-центра» по научной работе на пресс-конференции, посвященной установке в Екатеринбурге мемориальных табличек проекта «Последний адрес».

Александр ЦЫГАНОВ

НЕУГОДА

Из вологодских рассказов

Маме

Не знаю, ничего не знаю: хожу, стойно сама не своя. Вот так иду, да как поведет, как ошатит, маленько не паду. Так остановлюсь, постою немного, схохотну про себя-то: ровно пьяная, разве дело. Да и дальше потихоньку побреду. Вот и выползала элак всю жизнь, с одной почтой целых двадцать годков маялась. В любую-то погоду: туда десять верст да обратно эстолько. И на пенсию уж вышла, а все не сидится дома, да еще одна в придачу осталась, ведь батько-то у меня... Точно и говорить. А на людях все спокойней. Порой с газетами добредеш к вечеру, у людей свет в окошечках горит, только у нас тёмным-тёмно. Сумку бросишь в угол, полежишь на диване, кружа-то отойдет, дак снова на ноги и давай скотину обряжать. А та знай себе орет во дворе: поди, на всю деревню слыхать, так перед народом стыдоба, прямо невоготу.

Недавно уж больно сильно окружило: тоже пенсию по домам разносила, да как на грех запнулась и головой-то прямо об угол дома угодила, дак ничего не упомню, ну. А много ли мне надо: когда еще нашему старшему годик был, пилили с батьком дрова на берегу, а напротив Вася Доровской с Нюрой тоже наладились поленницу ставить да чего-то и разодрались. Они и до сих пор через день да каждый день пазгаются. Вот Вася сгреб полено и в Нюру им, а я возьми да торкни бабу в сторону, так мне только плашмя и угодило. Сперва думала, что добром обошлось, а видеть, хорошенько навернуло голову: с того времени все к земле долит и долит...

И этот раз тоже в себя маленько пришла, а возле Лидииного огорода лежу – и какая-то женщина незнакомая, в первый раз и бабу вижу, меня с земли подымает. «Ушиблась?» – спрашивает. «Ой, говорю, милая, ведь из памяти опрокинуло, даже в глазах рябит. Да ты-то кто, и узнать не могу?» – у ей интересуюсь. «Да по делам я тут, – отвечает. – А сейчас Лидиин дом продаю. Тебе, часом, не надо?» – А сама глаз с меня не сводит. Я и думаю: «А куплю, чего не купить? Хоть сыновьям после отдам. А то один за синие моря укатил, другого и не выговорить, куда унесло. Хоть бы не на войну, упаси Господи. А так пускай не езжают да живут. Все больше видеть стану». И говорю: «А сколько, матушка, стоит изба?» «Да всего шесть тысяч», – отвечает. Как с проверкой какой. И взгляду у ей больно какой-то... не знаю. А замечала такого у людей. И говорю ей: «Ладно: шесть так шесть». И сама, значит, приудивилась: ведь у меня на книжке ровно эстолько и набирается.

Будто в воду поглядела. Копеечка к копеечке, по рупчику, так и откладывала, сколько могла. Да разве своим ребятам жалко, для их и живешь только. А нам еще в зарплате на днях добавили. Денежки-то прибавили, а в Воробино ходить отменили: экий кряк отнесло. Не с ума как хорошо. А женщина эта и маячит опять: «Так зайди в дом-от, посмотри. Понравится ли?» Я захожу, а чего и глядеть: я у Лидии не раз бывала, когда десятником на сплаву работала, она еще бухгалтером в кон-

торе числилась, так добро у товарки в доме, чего и глядеть, не знаю. Зашла, а Лидия сама из-за перегородки выглядывает. Хороши дела. Хоть давно и не виделась, а слыхивала, что она в последнее время и не хаживала на улицу, на ноги не подымалась, как парализовало всю. А тут, гли-ко, молодухой вылетела: «Чего, матушка?» «Да вот, Лидия, – говорю, – хочу твой дом купить». «Нет, милая, – Лидия и говорит, – я ишшо сама тут поживу маленько». «Хорошо, хорошо, – я-то и отвечаю ей, – ну и ладно, Петровна, я ей все: Петровна да Петровна. Ладно, говорю, Петровна, живи, сколько душе твоей угодно, я и в другой раз куплю. Не горит». Вот, рожонные мои, как головой-то ей качнула – даже в шее больно сделалось, – да тут и проснулась. На диване опять лежу врястяжку. Ни рукой, ни ногой не шолохнута: все онемело. Насилу и отпышкалась. А на работе своим потом рассказываю, а они мне: ой, ой, у Лидии-то ведь сорок дней не прошло со смерти, так потому и не допустила к себе. Это и ладно, что дом не продала да за собой не поманила, значит, жить долго будеш. Коли так, и добро, а как запоматовала, что Лидия померла, – не упомню, ой, тоже...

Вот бабам-то своим я в другодни и рассказала, а этот-то раз в себя пришла – за дровами сходила, печку затопила, эко запотрескивало, скотину напоила-накормила, а сама умом-то и думаю: дай хоть на печку заберусь да маленько согреться, чего-то иззябла вся. Только это я забралась, еще вздремнуть не успела, а возле горки-то у меня, кто бывал, крещенные, знают, в самый раз напротив русской печки – прямо-то на глазах! – воронка завертелась-завертелась, все у меня разом помутилось, слезы вон выступили и оттереть еще не успела, а оттудова девочка беленькая, экая пригожая, вылетела и к печке, ко мне подходит. Я одной рукой о полати оперлась, понять не могу: откуда здесь и воронке быть, пол у нас гладкий, а следом и дошло: ведь подпол тут, только половиком закрыт, не сразу догадка возьмет.

«Да ты кто, милая? – у девочки и спрашиваю. – Больно уж и пригожая». А у нас на горке куколка стоит, в платице беленьком, с косичкам, на эту и похожая, только у здешей волосы длинные да легкие, как пушинка. Да и свету в избе прибавилось, это у нас зачастую бывает – то совсем тускло, еле-еле пилькает, а то в глазах заломит, как теперь. А девочка снизу головку подняла на меня и отвечает: «Я бог Наташа». Думаю, кто-то меня разыграть захотел: к Катьке Яшкиной, сказывали, гостья приехала недавно, а сама-то еще не видывала, так чего не подшутить над старухой, ведь не обижусь, всякий знает. И опять вопрос задаю: «Так ты откуда, бог Наташа?» – «С того света», – говорит. Ласково отвечает, а голосок тонюсенький-тонюсенький, только не звенит. «А хорошо там?» – меня и саму интерес берет. «Хорошо, хорошо!» И такое у меня доверие к ней тут получилось, не высказать, начисто все забыла. «А нельзя ли мне побывать там, хоть глазком глянуть, пока жива-то?» – «Можно, можно, как нельзя: тебе за твою доброту все

можно». Берет меня под ручку, мы с ей к воронке этой, где подпол, подходим, опять как снова завертело, волчком нас закрутило, как и под полом очутились, не углядела. А там светлым-светло, не хуже, чем днем, да батько мой свет с мужиками в подполье проводил, отчего и не быть светлу.

Вот девочка подходит к какой-то белой полочке, берет с ей и надевает мне на голову экую-то шапочку круглую, как моряцкая с виду. Я, было, опешила: откуда здесь одежке да полке-то быть, да, видно, свет проводили, так разное-всякое оставили. Идем мы, идем с Наташей-то, за руку все держимся, а вокруг нас, невдомёк как и оказались, детки бегают, да такие хорошие, пригожие, в баской одежде, аккуратные, играют и поют: «Ла-ла-ла. Ла-ла-ла». Сомнение меня взяло: неужто подполье у нас такое большое и гладкое, не должно и быть, а дети все сбивают с мысли – дарят и дарят мне подарки. Только чего, и не упомню, сразу забываю, память совсем дырявая стала. А дети поют да поют: «Это за твою доброту». А грех кому и обижаться: вон мамашу-то и обстираю, и в баню свожу, намою, чего в магазине куплю – пополам разделю, – ничего не подделаешь, раз сама под старость лет ослепла, совсем худо видит. Хоть и живет с сыном, а меня за дочку считает.

Да за всех кряду сердце-то тоскует, гли-ко, чего на свете творится: уж кровь пути кажет. А вот следом за детишками подходит ко мне какой-то, и не выскажешь сразу, только на нашенских ни на кого не смахивает. Весь с обличья темный, голову на сторону воротит, а сам норовит с меня эту шапку сдернуть. «Бог Наташа, – и спрашиваю тогда, – а зачем он это делает?» «А хочет тебя на этом свете оставить», – Наташа и отвечает мне эдак ласково.

«Ой, матушка ты моя, – говорю, – а с кем я скотину-то определяю, ежели?» Только это говорила, а гляжу – никого уж кругом и нет. На печке лежу. Вот те раз. Видно, вздремнула – и привиделось. Ладно, вниз слезла, а в печке давно прогорело. Только бы мне пошевелить, и клюку уж изладилась взять, а в прихожей у меня две собаки стоят: наверно, за дровами-то ходила, так двери не докрылись. А собаки обе разные: одна черная, другая ближе как серая. Лапы здоровенные у обоих, да на передних еще чего-то белеет, стойно часы прикреплены. Большие такие, вроде компаса похожие. Отшагнула я в сторону, а со сна еще маленько не в себе. Пригляделась внимательней, а не блазнит: стоят и стоят. Батюшки светы, царица небесная – гляжу, это ведь те, что о прошлом годе забегали! Ну, те, правда, приснились, а эти оба-два рядом стоят, только что есть не просят. Грудастые, лапы расставили – и на меня смотрят, принесла нелегкая не вовремя.

Я возьми и спроси их, нет бы прогнать: «Дак вы к добру или к худу?» А черный, недолго думая, прямо так человеческим голосом и взлаял: «К худу, к худу!» «А к какому худу-то?» – спрашиваю. Думаю: будь что будет. Раз уж не набросились, теперь и подавно не сожрут. «К тюрьме, к тюрьме», – другая, серая, так же отвечает. Куда еще чище! Оне и о прошлый год, когда снились, то же самое говорили.

Вот и не верь снам: ведь батька-то моего и верно забрали недавно в казенный дом, не разобрались. Ребята большие ночью в двери ломятся: «Открывай, такой-сякой, вина выноси!» У мужа-то день рожденья был, вот и принесла нелегкая гостей: поди, думали, у нас тут винный завод. А сами и без того пьянущие, не высказать, пьянее самого вина, чем и опились, не знаю, да теперь в себя льют все, что течет. И вот ломятся, бьются в двери, гляди, что на приступ пойдут.

Об авторе. Александр Александрович Цыганов родился в 1955 году в деревне Блиново Вологодской области. После окончания средней школы работал в совхозе слесарем, рабочим. Окончил Вологодский педагогический институт. Работал в системе МВД. Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Слово», «Воин России», «Роман-газета» и других. Автор нескольких книг прозы. Лауреат литературной премии МВД. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

И вышел батько-то на улицу, хоть отговорить, может, и обумятся люди, а те на него с кулаками. И чего там приключилось, Бог знает, а только утром один и помер, кровью истек, кто ему сунул – толком не дознались, не определили. До утра под окошками народ бегал да ором орал, меня саму из ума вышибло, после этого и забрали моего, начальство на машине приезжало. Была в районе, у следователя по фамилии Семеновский, тот лишь зубы скалит: «Будем твоего дедка сажать, а ребят не троном – ребята хорошие, а дедко старый, свое отжил». Поплакала я, ой, поплакала, один Бог только знает, как плакала. Потом, правда, от батька весточка была одна: «Вышлите, Валентина Кирилловна, мои вставные зубы, что в зеркале лежат, да фотокарточку Вашу». Вот как. Раньше-то и слова, кроме как Валька, не слыхивала, а то знай только оборачивайся, когда костерить принимался. А тут, гли-ко: Валентина Кирилловна, да еще на Вы. На старости лет в такой чести оказалась. Вот. А больше сам не писал, так не знаю, на чего и подумать...

И здесь тоже кобель-то серый как протянул свою лапу в угол, а там батько мой стоит! Тут я и догадалась сразу, что опять мне привиделось: кто же самого оттуда, из казенного дома, без разрешения вызволит?

Ну вот, рожонные мои, поднялась я с места, расчесала волосы взад-вперед, после села на стул возле зеркала, да руки вот так и свесила. А голова все шумит и шумит, прямо гудом гудит. В людях говорят, что на урода все неугода – и у меня не лучше выходит, хотя крещеная отродясь была. Вот и не знаю сейчас: то ли я опять сплю, или снова живу?..

Беда с этой и жизнью-то.

Надежда Мирошниченко

Из новых стихов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я ваш современник. Я в этом же времени пела. Я в этом же времени душу и сердце рвала. И если я что-то сказать до конца не сумела, Во времени нашем я всё до конца поняла. Не спутали сердце космических далей былины. Ни прошлых столетий соблазны и материки. Но только печально: ушли в небеса исполины. И канули в Лету эпох золотые деньки.

И если по совести: думалось прежде, что люди Поймут, наконец, что такое – Великий Народ. А нынче, что только историю нашу не судит: И крошит, и делит, и зарится, и продаёт. Но я не жалею, что песню неловкую спела. Я ваш современник. Я в это же время жила. И если я что-то сказать до конца не сумела, Во времени нашем я всё до конца поняла.

Памяти Анатолия Федулова

Упирается в край земли
Стёжки выгнутая стрела.
Мало смысла. Много любви.
Я напрасно тебя ждала.
Ты уже не придёшь ко мне,
Сколько я ни гляди в окно.
В невозвратной той стороне
Возвращаться запрещено.
Ты мне радугу перекинь.
Посажу её на лугу.
Каждой птичке – по лепестку.
Каждой ящерице. Прикинь?!
В край земли я за стёжкой вслед
Выходила, да не дошла.
А в край неба дороги нет.
Вот тебя я и не нашла.

Мне этой песни не перевели.
А, может, перевод был и не нужен.
Я понимала: песня о любви.
О несчастливой, видимо, к тому же.

Перебираю в памяти ключи
От всех имён, от всех недоговорок.
О, как её упрёки горячи!
О, как её пленительны укоры!

И мне ль не знать, какая ей цена
Той песне, что наивна и жестока.
Вчера взошла на Севере она.
Сегодня поднимается с Востока.

Затем мне песни не перевели,
Что у любви одни слова и числа.
И если знаешь: песня – о любви.
Всё остальное не имеет смысла.

**Николай
СЛАДНИКОВ
(Киров)
Из новых стихов**

КАРИНА

Стала часто видется картина,
Будто сквозь тумана пелену:
Чья-то мама собирает сына
То ли в школу, то ли на войну...

Он ещё юнец. Слова картавы.
И совсем не знает, где свои.
Он нырнёт в донецкие кварталы,
Где идут жестокие бои.

Там метут железные метели,
Там шумят свинцовые дожди.
Прошлой ночью «грады» налетели,
«смерчи», «ураганы» – впереди.

И доколе это будет длиться –
Ни один не ведает боец.
Те за гривны будут насмерть биться,
Эти за Луганск и за Донецк.

Мама молча перекрестит сына
(Может, встретит где-нибудь отца?).
И горит, пылает Украина
И того, и этого бойца.

Народ монарха выбирал
(Допрежь дана свобода слова).
– Монарх быть должен либерал! –
Мужик с телеги прокричал.
– Монарх быть должен генерал! –
Кричал рабочий из Тамбова.
– Монарх быть должен демократ! –
Призывно гаркнул полк солдат,
И в тьму ушла держава снова...

ТЮРЕМНЫЙ КОТ

Тюремный кот – ему всего лишь год,
И здесь он независимо живёт.
То в комнатах для длительных свиданий,
То в «караулке» жизнь его течёт.
В любой отряд ему доступен вход.
Так и живёт без всяких нареканий.

Его ласкают все, дают еду.
Со всеми он «сидельцами» в ладу.

Кот чёрен весь. Желты его глаза.
Он днём легко выходит на свободу
В любую сумасбродную погоду –
Будь снегопад иль майская гроза.

Он может день и два гулять окрест,
Покуда воли свет не надоест.

Тюремное начальство для кота,
Как те в отряде или в «караулке»:
И те, и те бывают на прогулке.
Для тех и тех прогулки – маета.

Одним – муштра, другим – свободы блик.
Одним мир узок, а другим велик.

Кого б и где судьбина не качала,
У каждого есть родина и дом.
Но чёрный кот не ведает о том.
Он здесь как символ светлого начала,
И вся тюрьма заботится о нём.

Василий ВОРОНОВ

Прозаические миниатюры

НА ИГЛЕ

Белые смертные тапочки, спрятанные матерью в узелке для последнего обряда, выкрал и продал сын-наркоман...

Худой, с висячей кожей, неестественно белый, с потусторонними стоячими глазами, с мертвецки подломленными в коленях ногами, неподвижно лежит на линолеуме в кухне. Мать, седая, интеллигентная старушка лет семидесяти пяти, сидит за столом, подперев трясушую голову руками. Он «в отрубе», часа через два встанет, будет дрожать от озноба и, ковыляя на слабых ногах, вождленным взглядом василиска смотреть на мать. «Дай, дай, дай!» – хрип-стон из перекошенного рта на измученном лице.

Двадцать лет она видит это лицо вурда-лака, высасывающего из нее последние жиз-ненные соки. Она дает купюру. Худые пальцы сына по-паучьи зажимают ее в кулаке, и он, дергаясь всем телом, хлопает дверью.

Наталья Васильевна закончила филфак, дав-но получает пенсию с надбавкой, как участница войны, и до сих пор работает корректором в одной из газет. Получает прилично. На двоих с сыном по нынешним меркам хватило бы. Сын никогда и нигде не работал, муж давно умер. С пятнадцати лет дает она сыну на зелье. На ней заштопанная кофточка, выцветший беретик, заштопанные допотопные тапочки.

– Наталья Васильевна, – говорят ей колле-ги. – Разве нельзя вызвать милицию, опреде-лить его на принудительное лечение?

– Пыталась. Два раза определяли в нарко-диспансер. Отбудет срок, как в тюрьме, а на другой день колется. Теперь и милиция не ре-агирует, закон разрешил наркоманов.

– А если деньги не давать?

– Не давала. Он вынес из дома все: ме-бель, холодильник, телевизор, белье, даже мои очки. Если отравы нет, на стенку лезет, ногти в кровь сдирает. Вот и даю.

– Нельзя так, Наталья Васильевна.

– Нельзя... А как можно? Не знаю. Он мой. Мы одни на белом свете. Я виновата. Что ж, буду нести крест, мне, как и ему, уж недолго осталось...

Старушка долго неподвижно сидит. В гла-зах мертвая застарелая тоска. Кухня – одни стены, стол да навесной посудный шкафчик. Потолок черный от копоти. Сын каждый день варит на печке отраву в ацетоне. Запах тяже-лый, тошнотворный. Квартиру эту, крохотную, она выменяла, оставила трехкомнатную, за доплату. Деньги ушли на «иглу».

Недавно сын привел подругу лет двадцати, живут вместе, спят на полу. Теперь надо давать на двоих...

Одна сердобольная женщина, коллега На-талии Васильевны, часто приглашает ее к себе. Накормит, напоит, обласкает, поговорит, пого-рюет вместе с ней, оставит ночевать. Эта жен-щина в раздумье сказала:

– Удивительно русская душа у Наталии Васильевны, кристальная. Терпение, смирен-ность, сострадание... Не озлобилась, не зам-кнулась. Тяжкий крест выпал ей, и она несет его безропотно.

Сколько таких матерей-страдалиц, как На-талия Васильевна. Один Бог знает...

Кто ей поможет?

От безысходности по ночам ей хочется, как подстреленной волчице, выть на луну.

ГЛАЗА СОБАЧЬИ

Недавно стал свидетелем такой сцены. Возле дома тракториста Ивана Григорьевича, прямо у калитки, облюбовала место чужая собака. Крупный породистый пес, смахиваю-щий на немецкую овчарку: черная с глянцем шерсть, желтые подпалины на щеках и под-брюшье, большие острые уши и умные спо-койные глаза.

Иван Григорьевч взял палку и хотел ото-гнать. Пес глухо рычал и клонил голову, как бы внясь, к земле. И не уходил.

Сосед выглянул через забор.

– Откуда он взялся, чертяка?

– А хрен его знает. Приблуда. Гоню – ры-чит. А ну как – бешеный?

– Не похоже. Интересно, какой породы?

Овчарка вроде. Взял бы себе.

– Своего кормить нечем.

Иван Григорьевич опять замахнулся пал-кой, пес не шелохнулся, только шкура, как от холода, мелко дрожала.

– Да... – посочувствовал сосед. – Ему жратвы много надо. А ты его из ружья, шапка богатая будет.

К разговору соседей внимательно прислу-шивался шестилетний внук Ивана Григорье-вича. Когда сказали про ружье, мальчик под-бежал к собаке, обнял ее за шею и умоляюще обратился к деду:

– Дедушка, посмотри на глаза, она ведь плачет. Действительно, из прикрытых глаз скатывались по щекам крупные слезинки. Пес благодарно уткнулся мальчику в колени. И не переставал дрожать.

Через день стало известно, за хутором раз-бились «Жигули», погиб водитель, хозяин со-баки.

А пес так и прижился у Ивана Григорьеви-ча. Внук назвал его Сирота.

СТАРУШКА В ПАЛИСАДНИКЕ

Я шел через пустырь вслед за дамой в длинной норковой шубе, в сапожках на высо-кой шпильке. Бедная, она пробиралась среди останков новгородных елок, среди картонных коробок, по битому стеклу, по консервным банкам с осторожностью археолога. Ветер завихрился, подхватывал в воздух рваные целлофановые кульки, один из них чуть не залепил ей лицо. И только выйдя на дорогу, на проезжую часть, она остановилась, огляну-лась. Выразителен был ее взгляд.

Подъезды и палисадники у многоэтажек забиты размокшей бумагой, банановыми и апельсиновыми корками, пивными банками, тряпьем. У одного из таких палисадничков, возле девятиэтажки, я невольно остановился.

В палисаднике копалась старушка с тяпкой. Клочок земли, квадрат, от самой стены был ого-рожен на деревенский манер частокотом из веток, перетянут проволокой. Земля вскопана и распушена граблями. Грядки ровно и чисто окучены, из них зелеными стрелами весело тор-чали тюльпаны и петушки. Между грядок уже

зеленели аккуратно подстриженные кусты кры-жовника и смородины. Старушка сажала лук и сеяла в канавки какую-то зелень.

Это было удивительно и необычно, как оа-зис в пустыне. У старушки – хорошее простое лицо, умные веселые глаза. Она была так по-глощена работой, что долго не замечала меня.

– С урожаем будете!

Она подняла голову и засмеялась, опер-шись на тяпку.

– Люди дела делают, а я, как дите, в грядки играю. Да что... скучно без дела. Торговать не умею, а к земле приучена, тянет.

– Соседям, наверное, нравится? Она вздохнула.

– Хорошие слова говорят... а окурки сверху бросают. Дом большой, как улей, – может, кому и не нравится, люди-то разные. Ничего, приучу. Сначала от алкашей отбоя не было – все подчистую рвали: лук, петрушку, цветы. Двое в нашем доме живут. Ребята не пропа-щие. Попросила Христа ради не топтать гряд-ки, закуски, если надо, сама вынесу. Видно, совесть есть – перестали. Ты, говорят, бабка крутая, мы тебя уважаем. Неси, говорят, бу-тылку. И правда, смирно стало. А в этот раз – и вскопали. Нравится, как же... Если б через весь дом вскопать да цветов насадить – тут бы рай был. А то глянь – как черти переночевали. Сама бы вскопала, да сил нету. Ну, ничего, дай срок – приучу, лиха беда начало.

И приучит, подумалось мне.

ОБ АВТОРЕ. *Василий Афанасьевич Воронov родился в 1948 году в хуторе Ющевка Землянского района Воронеж-ской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал со-трудником районной газеты, редакто-ром Ростовского книжного издательства, главным редактором журнала «Дон». Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Виталия Закруткина (1997). Автор многих книг прозы, изданных в Ростове-на-Дону. Живет в станице Старочеркасская Аксай-ского района Ростовской области.*

Николай ДОРОШЕНКО

России уже пора брать пример с Монголии

Мы пишем о том, что видим. А видим мы уже в течение 25 лет только картину разоре-ния нашей страны. И поскольку в состоянии полной безысходности вечно жить невозмож-но, то возникает у нас вопрос: что делать?

Увы, начиная с Гайдара, нам не везет на государственные умы. Лучшими из высших госчиновников у нас были те, кто никаких ре-форм не проводил и вообще ничего не делал,

Но делать что-то надо. И если, допустим, наш президент хочет, но не знает, что ему де-лать, чтобы поднять страну из руин, то я бы посоветовал ему брать пример с японского императора Мэйдзи (1852–1912), который тоже не знал, что ему делать с бесконечно от-сталой Японией, и поэтому стал копировать опыт самых развитых стран. И уже в 1905 году одержал победу в войне с Россией.

А для начала, чтобы повысить ответствен-ность личную и у всех остальных ветвей вла-сти, я бы посоветовал нашему президенту

копировать опыт Монголии. Вот, например, последняя новость из этой когда-то совсем от-сталой, а теперь уже и вызывающей у нас за-висть, страны:

«Доход президента Монголии будет сокра-щен на 30%. Такая же мера будет применена в отношении заработной платы премьер-мини-стра и депутатов парламента страны», - гово-рится в сообщении начальника департамента по бюджетной политике министерства финан-сов Монголии.

Отмечается также, что зарплаты руководя-щих административных лиц государственных органов будут уменьшены на 20%. Это отра-жено в проекте закона и будет окончательно решено на внеочередной сессии Великого Госхурала.

Кроме того, под сокращение попадут и по-собия компетентным лицам на топливо, связь и командировки. Предполагается, что сниже-ние этих расходов позволит сэкономить около

3 млрд тугриков в этом году, более 8 млрд ту-гриков – в 2017.

В то же время правительство планирует со-хранить нынешний уровень заработных плат других категорий госслужащих, в частности, врачей, учителей, полицейских».

Мне скажут, что обедневшие ветви власти утонут в коррупции уже не по уши, а по самую макушку, так что их нам и не различить будет во властном болоте.

Но, опять же, можно поучиться у сосед-ней Монголии, опережающей нас так же и в правовом развитии. Например, в 2012 г. за коррупционную сделку по продаже государ-ственной собственности был приговорён к 4 годам лишения свободы даже бывший мон-гольский президент Намбарын Энхбаяр. Поз-же тюремный срок был ему сокращен до 2,5 лет, но ведь вполне очевидным становится то, что нам надо у более прогрессивной Монго-лии учиться, учиться, учиться...

Александр НЕСТРУГИН СВОИМИ СЛОВАМИ

Из новой книги

РУССКАЯ РУЛЕТКА

В аккурат перед Днем защитника Отечества это было, в субботу. Ещё не праздник, но ведь у нас праздники начинают отмечать когда? – дня за три, не меньше. Причем не только на работе или в семейном кругу, но и на природе. На природе непременно: ни тебе ментов, ни жены – воля.

Поехал я на рыбалку, далеконокь забрался, под Белую Горку. Там-то, думаю, хмельного люда, матерком сыплющего да швыряющего на лёд пустые бутылки, не будет. И точно – никого. Зато ветер по донскому руслу свищет соловьем-разбойником, прибрежный тальник гнёт. И, даром что февраль, дождь срывается. Оттепель. На льду лужи, лица у них хмурые, морщинистые, как у меня. Иду вдоль своего, левого берега к нижней пересыпке, – с пешней, ошупкой. Лед на Дону ещё толстый, но сверху рыхлый, теплом траченный.

Добрался до места, забурился, сижу. Внизу, километрах в двух, у противоположенного берега рыбак чернеет, а больше нигде ни души. Клёва никакого, но мысли отрешённые, легкие. Клубятся, несут куда-то сердечко усталое, баюкают, как ребёнка малого. Ветер шумит, дергает полы зелёного плаща-непромокайки. И вдруг почти у самого уха голос, и называет по имени. Поднимаю голову: Борис, земляк, ляд бы его взял, напугал прямо. Спрашиваю:

– Ты откуда взялся?
– Сверху, с ямы. Там, понимаешь, клёва совсем нету.
– А намылился куда?
– Да на ту сторону, под кручу, – может, голвлый клюнел!

Смотрю, а у него даже пешни нет, только ящик да ледобур. Брось, говорю, дурака валять – провалишься, там течение, промоины. А он смеется:

– А я по трещине!
И заскользил-засеменил, с трудом держа равновесие. Я о рыбалке забыл, слежу за ним. Вот он уже почти под тем берегом. Остановился, ящик поставил, крутанул ледобуром раз, другой... Отшагнул осторожно от лунки, ящик подхватил и, скользком-бежком, назад, к нашему берегу. Не дойдя до меня шагов двадцать, кричит:

– Лёд там и правда тонкий, родники! Вниз пойду...
И пошёл-покатился, лужи разбрызгивая. Пока я пару новых лунок пробурил да снасти перенёс, он уже с полкилометра отмахал. Голову поднимаю, а он всё правее, правее забирает – и поплёр опять через Дон, как глиссер. По трещине, видать, как по ниточке. Только и вымолвилось: «Вот дурень...»

Поймал я в тот день всего ничего, жене да коту напоказ: плотвичку да окуня. Уехал рано. По дороге всё размышлял об этой нашей русской черте – то ли удали, то ли дури просто. Смелость города берёт, верно, только это смелость разве?

По дороге решил заехать попутно на озеро Немереж: оттепель, вдруг подлещик пошёл? Озеро это было когда-то моим любимым – когда там народу поменьше бывало, да и народ тот вёл себя иначе. Ну, подыехал, смотрю, а там уже почти никого, человек пять-шесть всего осталось, вдали на яме мормышат. Да, видно, впустую: руками никто не машет, леску поспешно выбирая после подсечки. На льду бутылки, окурки, пакеты, бумага намокшая – смотреть противно, не то что ловить. Как же, популярное место отдыха. Нельзя разве убрать за собой? А ещё проще – не свинячить, тогда и убирать ничего не надо будет.

Постоял, погоревал молча, да и пошёл к машине. И озёрные рыбаки стали тем временем снасти мотать, к берегу помалу двинулись. В дальнем конце озера, в ольхах мотоцикл завёлся и – резко, без прогрева, на газах – пошел в гору, по крутой лесной дороге. Не одолев подъёма, заглох, тихо, как в немом кино скатился к прибрежной полоске ольховника. Снова заработал мотор на пределе, рванулся тот мотоцикл, но уже не в гору, а на лёд, и пошел полукругом, лихо забирая влево, к яме – для чего, зачем? Мотоцикл – старенький «ИЖ» с коляской, на нём двое, местные, из ближнего села, по виду и крику вряд ли трезвые. Подумалось ещё: «Ну что ж это за день такой?».

Тут мотоцикл, будто налетев на что-то, встал на ведущее колесо и, кроша тонкий подтаявший лёд, начал оседать вместе с седоками в воду. Мотор заглох. Двое барахтались в полынье рядом с мотоциклом – казалось, они пытаются вытолкнуть тонущее железо на лёд. Длилось всё это каких-то несколько мгновений: находившийся метрах в тридцати от лихих мотогощиков рыболов успел только встать и сделать несколько шагов по направлению к ним. Мотоцикл, глухо булькнув, ушел на многометровую глубину, а две фигуры уже темнели на мокром льду по обе стороны полыньи. Повезло...

А ведь на той яме вода замерзает только в самые сильные морозы, уже ближе к середине зимы. Родники там сильные. Все об этом знают, местные в первую голову. Значит, это и есть русская удаля: револьвер, один патрон, крутануть барабан вслепую – и дуло к виску? Или – с разгону на тонкий лёд?

Нет, не удалё это, и не дурь даже, а подлость, предательство. Так мне кажется. Уже потому хотя бы, что нас, русских, с каждым годом чуть ли не на миллион меньше становится.

Русская судьба... Только подумаю об этом – и перед глазами опять та картина. Две тёмных фигуры на мокром льду по обе стороны полыньи.

ЧЁРНЫЕ ИГОЛОЧКИ

Первый день весны и, наверное, последний – зимней рыбалки. Перед этим несколько дней было уже по-весеннему тепло. Снег стоял, вода скатилась в низины. Посредине озера лёд приподнялся, вроде бы на цыпочки встал. А края его вдоль берега надломились, запали, талой водой их залило. У берега глубоко, на коренной лёд и в сапогах не забредёшь.

Ночью вызвездило, морозец ударил. Поверх прибрежной этой талой воды ледок схватился. Тонкий, как оконное стекло. И такой же прозрачный. Пробую ногой – испуганные трещины от подошвы во все стороны разбегаются. Молодое стекло это сразу не ломается, гнётся, но стоит стать – ухнешь в воду по колено. Пришлось таскать валежник, гать мостить. Намостил, зашёл. Иду осторожно, пешня впереди лёд выстукивает – весна всё же. Листья кувшинок, жёлтые с прозеленью, на белый свет вытаяли. Лёд в этом месте в глубоких оспинах: так эти листья солнце на себя тянут. Иду к противоположному берегу, там глубже и травы нет. Зато есть коряги. Бобры там живут, на крутом берегу. Они-то и валят ветлы. Какую на берег, а больше в воду. Им так удобнее. И безопаснее. Во время кормежки никакой враг не подберется.

Пробую блеснить в коряжнике, и в первой же лунке – зацеп. Ветка пружинит, кажется, вот-вот подтяну ее к лунке. Однако у лески запас прочности меньшим оказался. Надо новую блесну привязывать. Достал из ящика коробку, склонился над ней, выбираю-применяюсь – какая поуловистой будет? Распрямясь, замечаю под молодым сегоночным ледком какой-то промельк, быстрое движение. Интересно, что же там такое? Подхожу потихоньку и глазам своим не верю: мальки. Чёрные, величиной с иголку, идут дружной стайкой вдоль границы старого и молодого льда, проскальзывают там, где, кажется, даже иголку не продеть. Интересно, как они сюда попали? Делаю ещё пару шагов, уже не таясь. Мальки-иглочки все разом скользянули на глубокое, под берег. Там почти вертикально изо льда ветка торчит, толстая и чёрная. А вокруг неё солнышко лёд прососало, на палец, не больше. В этот подлёдный переход иголки мои и юркнули. Шустро так, будто растворились. Вот бестии. Видно, надоело им там, в зимней темноте сидеть, обрыдло. На волю, на свет захотелось. Свежей водицей дохнуть.

А мы, люди, разве не такие? Из-под льда на свет так порой хочется проскользнуть, хватить волюшки задышающимися жабрами. Вот только щелку в том зимнем льду ищем поодиночке – может, потому и находим так редко? Если вообще находим.

НИЗКИ СЛОВ

Теперь это стало модным: писать ни о чём, изящно нанизывая слова на золочёную нить будущего успеха, материального достатка, всеобщего поклонения. Сюжет, как правило,

высосан из пальца, но обряжен в столь цветистые одёжки, что зрители прямо-таки валом валят поглазеть на это диво. Как на показ новой коллекции знаменитого кутюрье.

Талантливый писатель, превратив служение в ремесло, легко добивается задуманного – и становится его рабом. Отныне, чтобы остаться на гребне волны, он должен низать слова всё более причудливо, дикивинно – удивляя, поражая воображение, но не трогая душу.

А я вот писать ни о чём не смогу. Даже если бы очень захотел. Стыдно мне это делать. Стыдно не перед человечеством – перед односельчанами, друзьями, близкими. Перед покойной бабушкой моей, бабушкой Саней. Я рос рядом с ней, и учился жизни на примерах её простых крестьянских истин. Словами бабушка мало объясняла, но получалось всегда очень доходчиво. Вот пример.

Во дворе у нас росла большая старая яблоня. Не в саду, а именно во дворе, рядом с верандой. Яблоня была старая, с перекрученным, гнутым стволом, а яблоки – мелкие и кислые, такие кислые, что и в рот не возьмёшь. Мне, тогда ещё вольному казаку-дошколёнку, казалось, что они никому не нужны. Их даже куры не клевали. Как раз год случился урожайный. Ветер налетел – под яблоней ступить некуда от падалицы. Я и давай ее футболил. Сандалией подденешь, и яблочные брызги в стороны. Бабушка меня отругала. Я обиделся, залез на яблоню и сижу молча, как сыч. А бабушка, даром что других, «едомых», яблочек в саду полно, кислицу эту собирает да на погребницу носит. Зачем, думаю, она ей понадобилась? Но не спрашиваю, терплю. А утром встаю – вдоль карниза веранды длинные низки той резаной кислицы ветер покачивает. Значит, бабушка до света встала и всё резала эту никому не нужную кислицу. Потом, продев в цыганскую иголку суровую чёрную нитку, эту резанку низала. Потом, с трудом переставляя тяжёлую лестницу, эти низки развешивала.

Я, забыв вчерашнюю обиду, к ней: – Ну, зачем, зачем, ба? Они ж кислюки!

Бабушка гладит мои выгоревшие коричневые вихры тяжёлыми потрескавшимися пальцами, улыбается задумчиво:

– Зима прыйдэ, онучок, тоди побачишь...
И правда, лето – такое длинное-длинное – однажды кончилось. Давно кончились и «едомые» яблоки: белый налив, шафран, антоновка. Дожди виснут над выгоном, холода задышали окна инеем-серебрянкой. Я скребу серебрянку ногтем: грустно.

Тут и пришло время бабушкиных «погремушек». Вносил она однажды утром низку сушёной кислицы из чулана, разнίζειвает, моет – и в булькающий в большом чёрном чугушке кипятток. Туда же – пару горстей сушёных в русской печи мелких груш, горсть сушёного терна. Поспело варено скоро – такой дух по всему дому пошел, будто вдруг лето вернулось. Я тут как тут, возле бабушки трюсь, в глаза заглядываю.

Налила бабушка в кружку этого варевывзвара, чуть подсластила, остудила, и мне протягивает:

– Пый, онучок.
И потом, когда я, отдуваясь, поставил пустую кружку на стол, добавила, лукаво улыбаясь:

– Шо, добрэ? А цэ тиж кыслыци. Биз йих озвар ни озвар, а такэ, рыжа водычка...

Давно уже нет бабушки Сани на белом свете, царство ей небесное. А я её помню. Советуюсь с ней, ответ перед ней держу – как тогда, в детстве.

Порой закрою глаза и вижу: наш двор, яблоня, веранда, утренний ветерок низки свеженарезанной, оржавелой будто по срезу кислицы покачивает. И в груди вдруг станет так пусто и горячо...

ЕСЛИ ВГЛЯДЕТЬСЯ...

Вторая половина апреля. Тепло. Половодье отступило, обозначив до боли знакомые донские озёра-старицы. Озёра начинают сниться, звать к себе. И я не выдерживаю, еду. На озере Зёмкино, совершенно безлюдном, шумно, как в торговых рядах. На пригреве, в затопленных лозах ещё плещутся последние

щучьи свадьбы. Цветущий ольховник полон птичьими голосами: высвисты, щебет, переливы, щелчки.

Но громче всех ведут себя лысухи. Они похожи на уток, но каких-то самодельных, что ли, грубо вырезанных: обрубковатые, неловкие, чёрные, только на лбу белое пятно. И ведут себя не по-утиному. Если спугнешь, срываются с шумом, летят низко, по виду неумело, задевая воду крыльями. Крикливы как базарные торговки. Брачная пора, всё им нипочем. Снуют то и дело от одного берега к другому, кого-то выкликают, доказывают что-то. Озеро пересекают уверенно, напористо, гоня перед собой углом упругую волну. Похоже, главными здесь себя считают. Мне это не нравится. Я лысух укоряю, покрикиваю даже, а толку?

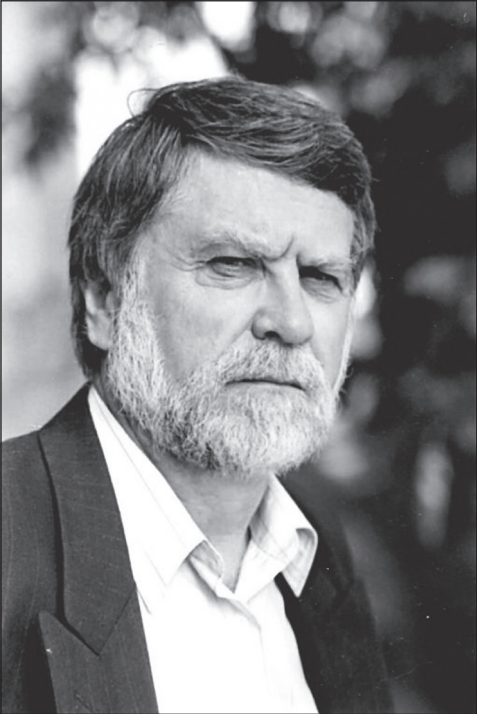
Плыву вдоль берега, вернее, вдоль того, что берегом выглядит. Полуметровый пласт сросшихся корней куги да рогоза приподняло, оторвало от мягкого илистого дна полой водой. Ветерок, волна поперёк озера, и берег этот слегка покачивается. И лодка покачивается. Первое время как-то не по себе. Кажется, что голова закружилась. Кое-где от сплошной этой плавающей береговой полосы оторвало куски, и они, сев на мель, стали островками. На одном таком островке среди белёсо-ломкой прошлогодней куги что-то чернеет. Похоже на шапку-ушанку, но не брошенную абы как за ненадобностью, а аккуратно положенную на сухое. Когда до островка остается метров десять, шапка эта вдруг плюхается в воду и, колотя по воде чёрными ушами, исчезает в береговых зарослях. Лысуха! Надо же, нашла место, где спрятаться. И подпустила так близко. Может, больная?

Подплываю к островку и вижу: гнездо, из сухой осоки сложенное. А в нём кладка: десять яиц – матовых, с редкими чёрными крапинками. Ну надо же! Вот тебе и базарная крикуха, птица-шалопута. И как не боится, на открыто, считай, месте гнездится? А может, островок этот оторвало от материка уже с гнездом? Да, скорее всего так оно и было. Но ведь лысуха-то гнездо не бросила...

Отплыл я поскорее от островка, чтобы кладку не застудить. Дальше плыву, не оборачиваясь, будто ничего и не заметил. Далеконокь уже отплыл, потом только обернулся: чёрная шапка-ушанка уже на своем месте лежит. И подумалось: а ведь сколько можно, оказывается, нового увидеть – в привычном уже, давно знакомом. Если взглядеться.

ОБ АВТОРЕ. Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Автор шести сборников стихов, вышедших в Москве и Воронеже. Стихи и эссе печатались в журналах «Дон», «Подъём», «Простор», «Русское эхо», «Гостинный двор», «Сура», «Огни Кузбасса», «Вертикаль-21 век», «Роман-журнал 21 век», «Новая книга России», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» и других, в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета». Лауреат премии воронежского комсомола имени Василия Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2008). Член редколлегии журнала «Подъём». Член Союза писателей России.

Русское слово – XXI век

Борис БУРМИСТРОВ

Русский мир – навсегда!

В мире безмолвного творенья
Вам громогласным не понять,
Что исихастское моление
Нам до поры велит молчать.

Молчит народ, потом как ахнет
И разметёт смердящий дым...
А русский Дух он Русью пахнет
И оттого неистребим.

И потому хочу заметить,
Заметить раз и навсегда,
Что нам в пути не ваша светит,
А наша – русская звезда...

Вся надежда нынче на мессию,
А другой надежды видно нет.
Мне б вернуться в Русскую Россию
Через сто и даже триста лет.

Кто-то скажет, ничего нет проще –
Надо только выбрать верный путь,
Чтобы очутиться в этой роще,
Русский воздух с жадностью вдохнуть.

Чтоб услышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я ещё с рождения поверил –
Русский мир, как космос, навсегда.

*Что ищет он в стране далёкой,
Что кинул он в краю родном...
М. Ю. Лермонтов*

По белому свету, по белому свету
За мною двойник мой крадётся
по следу...
Зачем он крадётся по полю пустому,
Отсюда не видно дороги
до дому.
Двойник мой из детства, мальчишка
пугливый
Что ищет сегодня средь спящей
равнины?
Следы мои тонут в сугробах
бескрайних.
Мальчишка, двойник мой –
из прожитых давних.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ
Пижонистая кепка
Да в дудочку штаны,
Им доставалось крепко
От уличной шпаны.

У них отцы в «завмагах»,
А наши в шоферах.
Мы все живём в бараках,
И туалет в кустах.

На улице Рабочей
Мы дети той войны...
«Пират», «Мамай» да «Боча» –
Лихие пацаны.

Мы дружим и дерёмся
За правду за свою
И на крови кланёмся
У края на краю.

Растут дома в посёлке,
Вдали завод гудит.
Наш путь по жизни долгий
Маячит впереди...

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ
Не озлобляйте ум и сердце,
Не оскверняйте души злом.
Всегда вы в роли иждивенцев –
Пасётесь во поле чужом.

Мысли далеки,
По судьбе – судьба.

Прокатился век,
Словно снежный ком
Потемневший снег
Призасыпал дом.

Материнских рук
Первое тепло.
Место встреч, разлук
Время замело.

ВОЛЬНОДУМЦУ
Поделом тебе, брат, поделом
Чтоб не лез без нужды напролом.
Чтобы слушался важных людей,
Сочинителей глупых идей.

Поделом тебе, брат, поделом,
Чтобы думал всегда об одном –
Как начальству, жене угодить
И законы нелепые бдить.

Поделом тебе, брат, поделом –
Чтобы знал – где, кому и о ком.

ПАНОРАМА 90-Х ГОДОВ
В доме рама оконная выбита,
Белый свет с темнотой обнялись.
Перемешана, смешана, выпита
Поколения целого жизнь.

Лишь глоточек на донышке братины
Да «братков» нескончаемый спор.
И в душе незажившие ссадины,
Кровоточащие до сих пор.

Что за время? Промчалось и минуло,
Только отсвет багровый вдали.
Сколько мальчиков, девочек сгнуло
Без войны – на войне полегли.

Кто заставил их конными, пешими
Выходить на чужую стезю...
Порубали друг друга, потешили
Тех, кто нынче жирует вовсю.

«Покаянными» тешатся тостами,
Но за кровь их никто не простит.
Только тьма над глухими погостами,
Только во поле ветер свистит...

1993 ГОД
Порушена держава,
Но нужно дальше жить.
Я не имею права
Вас, грешники, судить.

Такое, видно, право
Мне свыше не дано,
Но целая держава
С бесправьем заодно.

Но целая держава
Споткнулась на пути.
Налево, иль направо
Иванушкам идти.

Но целая держава
Умолкла невпопад
И лишь былая слава
Призывно бьет в набат.

Первое тепло
Материнских рук.
Снегом замело
Место встреч, разлук.

Домик у реки,
Чуть дымит труба...

Мысли далеки,
По судьбе – судьба.

Прокатился век,
Словно снежный ком
Потемневший снег
Призасыпал дом.

Материнских рук
Первое тепло.
Место встреч, разлук
Время замело.

ПРОШЕНИЕ ЗА СЫНА
Дай ему посох по силе его,
Посох, что временем строган.
Чтоб в этом мире обид и тревог
Выстоять мог он.

Путь, что отмерен Тобою ему,
Добрый пусть будет.
Сам ведь ты знаешь – непросто в миру –
Путь этот труден.

Господи! Дай нам терпенья и сил,
Мудрости старцев святых,
Это и всё, что бы я попросил
Для сыновей своих.

Я родился на улице Каменной,
В доме каменном на окраине.
Дом из красного кирпича,
В доме лампочки «Ильича» –
Ни одна была, целых пять.
Раньше всех просыпалась мать,
Выгребала из печки золу,
Печь топила, звала нас к столу.
Возвышались горкой блины...
Мама, мама теперь только сны.
Возвращают нас в каменный дом –
Детство, юность оставлены в нем.
И стоит на юру неприкаянный,
Отчий дом, что на улице Каменной.

И кумиры, и пророки –
Все с приставкой «лже».
Бесконечные пороки –
Холодно в душе.

Никому никто не внемлет,
Сходит мир с ума.
Только чуть в душе затеплит,
Как опять зима.

Как опять в снегах дороги,
Замело пути.
Лжекумиры, лжепророки
Не дают пройти.

Но я знаю, в век жестокий
Вместо разных «лже»
Вновь придут в наш мир пророки
С верою в душе...

Гром грохочет за рекой, вдали,
Серый дождь завис в оконной раме –
Пахнут ветром волосы твои,
Буйными осенними ветрами.

Милая, любимая моя,
Прошлые ночами вспоминая –
Отчего в далёкие края
Занесла судьба меня земная?

Сколько раз встречались на лету –
Полустанки, станции мелькали.
Иногда сквозь эту суету –
Мы друг друга взглядами ласкали.
.....
Гром стихает где-то за рекой,
И светлеет небо над холмами.

Глажу твои волосы рукой
И ловлю дыхание губами.

В мире всё неповторимо –
Каждый день и каждый миг.
Поездов, летящих мимо,
То ли вопль, то ли крик.

В мире всё неповторимо –
То, что было до меня.
А душа неотделима
От сегодняшнего дня.

В мире всё неповторимо –
Жизнь как бурная река.
И плывут куда-то мимо
Кучевые облака...

Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.

Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь –
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

Мне не нравится эта погода.
Мокрый снег обметаю с лица.
Непокорное слово «Свобода»
Отливают всегда из свинца.

На исходе холодного лета
Вдруг закружит, завьюжит пурга...
Это горькое слово «Победа»,
Потому что цена дорога.

Но всегда: и отныне, и присно
Нас зовет на святые дела
Это светлое слово «Отчизна»,
Потому что любовь к ней светла.

Об авторе. Борис Васильевич Бурмистров – поэт, член Союза писателей России, Лауреат Большой литературной премии России, Лауреат Всероссийской православной премии им. святого благоверного великого князя Александра Невского, Всероссийской премии им. Н. Клюева, Литературной премии им. В.Д. Федорова, Председатель Союза писателей Кузбасса, секретарь Союза писателей России, директор Дома литераторов Кузбасса, член-корреспондент РАЕН, академик Петровской академии наук и искусств, Заслуженный работник культуры РФ, автор 12 поэтических книг.
Родился 8 августа 1946 г. в г. Кемерово в семье рабочих. Работал гл. механиком на стройке, зам. директора на оборонном заводе. В юности 6 лет работал на Крайнем Севере (бульдозеристом). С 1984 года по настоящее время – в Кемеровском областном отделении Союза писателей России. Живет в г. Кемерово.

Секретариат правления Союза писателей России, редакции «Российского писателя» и «Омского времени» поздравляют известного русского поэта Бориса Васильевича Бурмистрова с юбилеем! Дорогой Борис Васильевич! Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, радости и вдохновения!